

Нации и национальные отношения

СОЦИАЛЬНЫЕ И НАЦИОНАЛЬНЫЕ ДВИЖЕНИЯ В СВЕТЕ ПРОБЛЕМАТИКИ ТРАНСНАЦИОНАЛЬНЫХ ПРОЦЕССОВ В ЗАПАДНОЙ ЕВРОПЕ

Ванда Дресслер-Ологан

Данная статья имеет целью наметить рамки основной проблематики в анализе национальных движений в Западной Европе, установить возможные соответствия для Восточной Европы, или, по крайней мере, некоторые точки соприкосновения.

Процесс транснационализации предлагается как способ интерпретации изменений современного мира. Понятие транснационального строится вокруг конкретного наблюдения над кризисами, которые потрясают идеологию автономии государств-наций и их суверенитетов и ведут к изменению их политико-идеологической формы: это кризис определения государств-наций, законности, движущих сил политической жизни, это дисфункция общества, более активный процесс обмена товарами и информацией, дикая и неумеренная урбанизация, изменение функций государства, развитие организаций и социальных движений через границы.

Одна из основных развиваемых здесь гипотез состоит в том, что процесс экономической транснационализации, длящийся вот уже 15 лет, выходит за узкие рамки экономики. Сегодня мы лишь начинаем это замечать - в политико-идеологических и в символических структурах, существующих коллективных пространствах. Появляются новые пространства, и в процессе этого появления работают как силы объединяющие, так и разъединяющие. Национальные движения занимают в их ряду наиболее важное место.

Процесс транснационализации, похоже, проходит независимо от государства и от нации, в отрыве от них. Он порождает новые коллективные идентичности, строящиеся постепенно социальными группами, которые

лишь утверждают свой законный статус на региональном, национальном и наднациональном уровне.

Старое национальное устройство отступает под натиском нового капиталистического порядка и под воздействием новых моделей на мировом уровне. Более жесткая политика старых государств, их желание оставаться в прежнем виде, возникновение новых государств вследствие развала бывших многонациональных формирований и желающих иметь спокойный статус государств-наций 19-го века (один народ, одна нация, одно государство), а также расширение требований многообразных националистических образований являются противоречивым следствием обозначенного процесса.

Упорное замыкание в себе государств-наций, желающих совместить государственные и национальные интересы, может быть рассмотрено как попытка компенсировать ими основные политические и экономические функции, переданные новым межгосударственным органам - финансовым и олигополиям. Поиски новых форм государственности и критика, выражаемая национальными меньшинствами в адрес старых государственных структур возникли как реакция на угрозу их будущему со стороны последних. Ибо эти структуры уже не осуществляли достаточно эффективно защиту и руководство экономической и культурной жизни перед лицом рынка и мировой эволюции, направленной на преодоление различий, перед лицом неких «окультурных» сил, управляющих этим процессом. Мы еще далеко от фазы упразднения национального, о чем мечтал Эрик Вэй, предсказывающий его замену еще не испробованной новой политической моделью.

В то время, когда власть находится в руках мультинациональных фирм, может показаться парадоксом массивное наступление национального фактора в различных его формах. Для лучшего понимания всей глубины этого неожиданного обобщения мы предлагаем более пристально рассмотреть различные процессы, структурирующие этот феномен. Он проявляется по-разному во времени и пространстве. Парадигмы, проникающие в этот неоднозначный процесс, представляются нам различными в зависимости от времени и места. На Западе мы жили под влиянием парадигм 1968 года (антикапиталистических, антигосударственных и т.д.), под влиянием превращения региональных движений 60-х годов (давление на государство с требованием обновлений) в движение национального освобождения. Это явилось самым значительным политическим событием в той мере, в которой эта трансформация создала новых богов, новую утопию общественного перераспределения. Требование автономии, безусловно, основополагающе, ибо оно является утверждением самоидентичности. Оно порождает новые, критические взаимоотношения с государством и его культурой, а, следовательно, и новую практику, новые нормы, модифицирующие постепенно законность государства и его политической элиты. Борьба за новое пространство свободы и автономии создает новую субъектность, посредством которой возникают новые связи с территорией, усиливается мобилизационная способность и территориальная солидарность. Символическая перестройка территории создает новые связи, содержащие свои собственные политические дефиниции. Таким образом

изменяется смысл слов «народ», «нация». Требования самостоятельного культурного выражения возникают как в маргинальных регионах на периферии развитых промышленных государств (Корсика), так и в богатых регионах, подчиняющихся авторитарным решениям центра (Каталония). Все эти регионы, подобно любой промышленно развитой стране, были пронизаны в различной степени утопическими идеями 70-х годов (экологические движения, феминистические движения). Новые социальные движения переплетаются здесь с борьбой за равенство, социальную справедливость, более глубокую демократизацию в повседневной жизни в виду все увеличивающегося огосударствления общества и возникновения новых отношений человека и природы. Ежедневная политическая борьба внутри западной демократии имела благотворное воздействие на эти движения; некоторое тенденции к раскрепощению, существовавшие в националистических движениях (гуманизм, открытость, терпимость), взяли верх над другими, более распространенными (расизм, ксенофобия, ностальгическое стремление к идеальному сообществу прошлых лет).

В действительности всякое национальное движение в своем формировании проходит различные фазы: при возникновении оно носит вынужденно закрытый характер, затем, преодолевая эту замкнутость, эволюционирует и остается в состоянии борьбы с современной социальной реальностью, которая уже не является ни однозначной, ни однонациональной, но многоэтнической и многонациональной. Именно благодаря социальной борьбе против государства члены национальных движений часто учатся четче определять свои цели и понятия, которыми они оперируют (народ, нация), также, как модифицировать содержание этих понятий в сторону большей их открытости для диалога. Различия в эволюции национальных движений определяются также тем, в какой степени та или иная страна проникнута новой политической культурой, выкованной в противостоянии государству и опытом автономии. Это тем более очевидно для стран с богатой историей борьбы против государства, которое всем своим весом оказывает влияние на современную конъюнктуру европейской интеграции.

В 90-е годы мы входим в более прагматический, менее утопический период. Конкуренция обязывает быстро находить способы интеграции в рынок. Народы озабочены вопросом о том, каким образом вновь обретенная культура может способствовать этой интеграции. Европейское сообщество толкает к культурной автономии регионы, заинтересованные в скорейшей интеграции. Оно побуждает к созданию новых культурных и экономических связей, что упрощает и генерализует процессы, на основе которых создавались региональные объединения 60- 70-х годов, оно ориентирует эти процессы на цели экономического развития и улучшения административного управления региональными ресурсами. Регион рассматривается как оперативное звено будущего устройства. Таким образом под эгидой политической элиты создаются постепенно новые региональные пространства, не имеющие ни опыта, ни политического осознания антигосударственной борьбы, в отличие от уже упоминавшихся региональных единиц. Так новые политические

силы пытаются противостоять кризису политической централизации в Ломбардии, взяв контроль над процессом в свои руки. Их недавний успех на выборах показывает не только эффективность подобных форм коллективной мобилизации, но и опасную переменчивость, зависящую от сил, которые ими манипулируют. Создается впечатление, что они призваны сыграть роль тарана для свержения старых политических кадров и для более легкого установления либеральных моделей там, где они еще не утратили кредит доверия. Перед лицом этой возможности политического или экономического перераспределения в широком диапазоне регионов, где национальные движения исторически сложились в течение десятков лет, кажутся нам лучше подготовленными к будущему, как никогда ранее неясному и расплывчатому; в них имеется возможность испробовать организационные модели, альтернативные предложенным и направленные на их выживание в качестве культурных сообществ.

Мир еще следует переделать. Малые нации, только дающие о себе знать, представляют собой фундаментальные модели нового гуманизма, призванного широко утвердиться на развалинах современного общества.